

Е.Д. Поливанов

**Введение в языкознание для
востоковедных вузов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
Е11

Е11 **Е.Д. Поливанов**
Введение в языкознание для востоковедных вузов / Е.Д. Поливанов – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 228 с.

ISBN 978-5-458-55325-4

ISBN 978-5-458-55325-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Соответственно этому, рукопись моих «Лекций» распадается на следующие части:

Лингвистическая пропедевтика (вводные понятия).

Общая фонетика (с иллюстративным материалом преимущественно из восточных языков).

Иллюстративный материал по фонетике в виде описаний звукового состава русского и трех западно-европейских языков.

Иллюстративный материал по фонетике из восточных языков — в виде характеристики звуковых систем отдельных языков и диалектов: японского, китайского, турецких (азербайджанского, узбекского, казакского, татарского), калмыцкого, чеченского, абхазского, грузинского, армянского и т. д.

Элементарные понятия общей морфологии.

Теория эволюции языка.

Методы сравнительно-исторического языкознания.

Иллюстративный материал из сравнительной грамматики индо-европейских языков и сравнительно-исторических грамматик некоторых групп не-индо-европейских языков.

Понятие морфологической классификации языков.

Социологическая лингвистика.

Прикладная лингвистика.

Языкознание и поэтика (фонетическая теория мерной речи).

Генеалогическая (т. е. реальная) классификация языков.

Удастся или нет довести до конца опубликование всех этих частей курса — будет зависеть от причин, находящихся вне усмотрения автора; во всяком случае весь материал потребует еще несколько томов «Лекций». Настоящий же, первый том, занят только двумя из вышеуказанных тем: 1) Лингвистической пропедевтикой, 2) Общей фонетикой. Относительно первого тома приходится констатировать (а относительно второго предвидеть) факт несколько иной группировки материала, нежели в вышеизложенном плане (перечне частей): например, самое основное из «Элементов общей морфологии» излагается до иллюстративного материала по фонетике (а отчасти и в «Лингвистической

пропедевтике»). Подобные перегруппировки отдельных глав возможны и в будущем, что естественно объясняется желанием дать возможно больше элементарно-необходимых сведений в каждом из первых томов, чтобы вышедший в свет том мог, хотя бы в некоторой степени, служить как-бы законченным пособием до выхода остальных. Автор не сомневается в том, что книга будет содержать промахи и недостатки, обусловленные новизной предмета и подхода и что отдельные места явно открыты обстрелу критики. Но кое-где они допущены сознательно: например в изложении общей фонетики читатель встретит излишнюю схематизацию и «упрощенство». В частности, в изложении деления звуков типа «к г х» употреблены термины «неглубокозадняязычный» и «глубокозадняязычный» и не без умысла умалчивается про принципиальное противоположение «велярных» (напр. q =) «задняязычным = не-глубокозадняязычным» (напр. k =) ввиду пассивной роли языка (задней части языка) при первых (q) и активной при вторых (k). Ведь, если рассматривать настоящий курс «Лекций» как то, чем ему фактически и предназначается быть в первую очередь, то есть, как пособие для студентов востоковедных ВУЗ'ов, то вышеуказанное условное употребление терминов «неглубоко- и глубоко-задняязычный» будет вполне достаточным практически — и, в то же время, гораздо более легким, чем строго-последовательное противоположение «велярных» и «задняязычных». Ведь все дело в том, что употребляя последние термины без специальных комментариев, т. е. не упоминая о различии активных органов в произношении [q] и [k] — иначе говоря, повторяя прежнее деление на «палатальные» и «велярные», — это значит — не сказать ничего по существу об артикуляции названных согласных; и в таком случае нет особой надобности в термине «велярный»: *этот* его смысл вполне достаточно выражен словом «глубоко-задняязычный». Вдаваться же в комментарии по вопросу об активном органе было бы возможно во время семинарских занятий общей фонетикой (в фонетическом практикуме), но

в письменном изложении курса — без иллюстраций акустическими эффектами (в данном случае — обоих видов произношения, т. е. *k* и *q* при одинаковой зоне смычки) — оказывается довольно трудным.

А главное — в практическом приложении фонетических сведений к усвоению звуков другого языка термины «глубокий» и «неглубокий заднеязычный» оказываются и удобными и вполне достаточными.

Такого же рода упрощения можно указать и в ряде других мест в изложении фонетики. Умышленно, например, в описании японской звуковой системы, я не останавливаюсь на особом типе слогов — с гласным, предшествующим долгому (глухому) согласному; последнее — в связи с тем, что весь общий (уже не японский, а обще-фонетический) вопрос о *слоговой границе* я счел позволительным вовсе изъять из курса.

Наконец может показаться упущением, что в начале курса нет рассуждения о пользе языкознания — о философском и утилитарном его значении (хотя строго говоря, вопрос об использовании какой-либо науки не входит в само содержание данной науки). Но в виду того, что подобные вопросы уяснить себе удастся гораздо легче тогда, когда приобретены уже некоторые знания по самой данной дисциплине, я позволил себе отступить от общего правила и говорить об общественном значении научного языкознания не в начале, а скорее в конце курса: о философском значении лингвистики (в кругу других дисциплин «человековедения») будет идти речь в связи с частным вопросом о принципе мутационных изменений в природе (а в частности и в эволюции языка) — в отделе «Теория эволюции языка». О прикладной (и вспомогательной для других наук) роли нашей науки придется говорить в связи с конкретным материалом многих других отделов.

Однако, необходимо оговорить способ пользования «Лекциями». Для прохождения «Введения в языкознание» и «Общей фонетики» отнюдь не следует читать весь текст «Лекций» и ни

для одной из востоковедных специальностей (т. е. ни для одного из разрядов востоковедного ВУЗ'а) не предназначается курс этот целиком.

Для изучающего какой-либо язык, усваивать рекомендуется места общего значения и то из иллюстративного материала, что относится к изучаемому языку. В обособленные экскурсии (а частью и в отдельные главы) выделены, кроме того, темы монографического характера.

Приношу благодарность Ленинградскому Институту Восточных Языков за честь, оказанную мне включением «Лекций» в число изданий Института, и Типографии Академии Наук за выполнение столь трудного издания.

Е. Поливанов.

V 1928.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вводные понятия (лингвистическая пропедевтика).

§ 1. *Различие между лингвистикой и практическим изучением языков.* Лингвистика,¹ как научная дисциплина, последующая явления человеческого языка в их причинной связи, отличается от простого «практического изучения языков» именно тем, что к каждому языковому факту лингвистика подходит с вопросом о причинах данного явления (другое дело, в силах ли современное состояние науки дать ответ на те или другие из этих вопросов).

Эту особенность научной лингвистики можно назвать прагматизмом² (сравни прагматизм в истории) и таким образом противопоставлять *прагматическое языкознание* (т. е. лингвистику) простому практическому изучению языков.

§ 2. *Деление языкознания (лингвистики) на описательное и историческое.* Лингвистические работы, рассматривающие только явления, существующие в данном языке в какую-нибудь одну эпоху (чаще всего — в современный перипод),³ относятся к *описательному языкознанию*.

Историческое же языкознание ведаёт связи между фактами различных периподов жизни языка (т. е. между фактами, относя-

¹ Слово «лингвистика» (по-французски — *linguistique*, по-английски — *linguistics*) происходит от лат. *lingua* «языка». Другие названия лингвистики: *языкознание* (по-немецки — *Sprachwissenschaft*), *языковедение*, и иногда — с подчеркиванием отличия от практического изучения языков — *научное языкознание* (или — *языковедение*).

² От греческого *πράγμα* (*prágma*) «дело».

³ Что имеет место в описаниях современных нам *живых* языков.

щимся к языкам разных поколений). При этом нужно указать, что в лингвистике (т. е. прагматическом языкознании, как таковом) большинство объяснений причинной связи языковых фактов выходит за пределы данного (—напр. современного нам) состояния рассматриваемого языка, так как причина явления обыкновенно оказывается принадлежащей языку прошлых поколений,¹ а потому *историческое языкознание* (которое, по имени своего «сравнительного» метода, оказывается в то же время «сравнительным» или «сравнительно-историческим» языкознанием, — см. ниже § 10) *занимает* весьма *важное место* в нашей науке. Тем не менее, среди даваемых лингвистикой объяснений (т. е. указаний причинной связи) языковых фактов найдутся и такие, где привлекается только материал описательного языкознания (т. е. факты современного языкового состояния).²

Указанное преобладание данных исторического языкознания в установлении причинной связи языковых явлений отнюдь не предполагает, однако, что в научно-лингвистической литературе нет законного места для работ *описательных* (т. е. относящихся исключительно к области *описательного* языкознания и излагающих, следовательно, языковые факты одного лишь данного

¹ Так, например, современные нам факты живого японского разговорного языка приходится объяснять, как результат процессов, имевших место в языковом мышлении японцев давно минувших эпох — напр. эпохи китайских заимствований VIII—X в. н. э. или же еще более отдаленных периодов «общепонского» и «до-японского» языкового состояния (где лингвистика оперирует уже с явлениями до-исторических времен).

² Так, например, отвечая на вопрос «почему?» по поводу таких фактов (имеющих место при скрещении двух разных живых языков), как 1) пропуск начального с [s] перед следующим согласным — корейцем, говорящим по-русски (и произносящим, следовательно, «тарик» вместо «старик», «колько» вместо «сколько» и т. д.) или же 2) замена русского ф [f] через п [p] в языковом мышлении узбека («понарь» вместо «фонарь», «пракция» вместо «фракция» и т. д.; а иногда и параллельная этому обратная замена — русского «п» [p] через «ф» [f] — «фроза» вместо «проза» и т. п., [сравни узбекское написание *فایز* т. е. — *fajz* для русского «поезд» и т. п.]), — нам достаточно для мотивировки этих явлений сопоставить между собою системы звукопредставлений обоих скрещивающихся здесь языков (1) русского и корейского, 2) русского и узбекского), т. е. достаточно данных *описательного языкознания*.

периода). Наоборот, литература этого рода (—описательно-лингвистическая), — куда войдут все научные «описательные» грамматик, словаря и т. д. современных нам живых языков, чрезвычайно богата и чрезвычайно ценна (независимо уже от практического своего значения) для прагматической лингвистики, так как всякая наука нуждается прежде всего в сборе и в надежной и точной регистрации фактического материала, что и является задачей вышеуказанных работ описательно-лингвистического характера.

§ 3. *Деление лингвистики на отделы соответственно расчленению речевого процесса.* Помимо только что рассмотренного деления, существует деление лингвистики на отделы (или дисциплины), рассматривающие отдельные группы явлений языкового процесса. Фонетикой¹ называется отдел языкознания, ведающий все явления языкового процесса *кроме* связываемых (ассоциируемых) с речью *смысловых представлений*, т. е. иначе говоря, — все явления, относящиеся к *звуковой* стороне речи. Таким образом, в область фонетики относятся: 1) явления психические² — представления произносимых и слышимых звуков языка, существующие в уме говорящего и слушающего; 2) явления физиологические: связанные с процессом говорения (движения произносительных органов) и связанные с процессом слышания (процессы в слуховом аппарате), 3) явления физические, — совершающиеся в проводнике звука (воздухе или, — возможно, каком-либо другом

¹ От греческого φωνή (phōnē) «звук».

² Разумеется, в конечном счете, и эти, как вообще все «психические» явления, сводятся к *физиологической* деятельности мозга. Тем не менее употреблять здесь термин «психические явления» уместно потому, что различие между мыслительной деятельностью и такими «физиологическими» процессами, как например движения произносительных органов при говорении, является бесспорно-принципиальным: в первом случае физиологические процессы (являющиеся сущностью мыслительной деятельности) локализованы в мозгу [и в частности речевые представления локализованы в так называемой «извилине Брока»], а во втором случае работают губы, язык, мягкое небо, и т. п. (причем и характер этой их работы, разумеется, несоизмерим с химико-физиологической работой мозгового вещества)

теле). Первая группа явлений сближает фонетику с психологией (ведущей вообще психические процессы [в том числе, напр., процессы узнавания привычного символа, каковым является в речевом процессе *звук языка*], а не только те, которые связаны с языковой деятельностью), вторая — с физиологией и анатомией (ведущими все органы тела и все их функции, а не только участвующие в языковом процессе), третья — с частью физики, акустикой (ведущей физическую природу всяких звуков, а не только звуков языка).

Помимо фонетики в языкознании имеется еще обширный отдел, рассматривающий языковые явления в связи со смысловыми представлениями, т. е. со *значением* речи. В этот отдел входят: морфология, синтаксис и лексика (или словарь) с фразеологией¹.

*Морфология*² ведает значение отдельных слов в зависимости от их состава и следовательно ведает также значение частей слова (поскольку, конечно, слово делимо на части, обладающие каждая своим собственным значением).³

¹ Общеупотребительного же общего термина для всего данного отдела лингвистики (— совокупности морфологии, синтаксиса и лексики с фразеологией) назвать нельзя. Иногда в этом смысле употребляют слово «*семантика*» [от греч. *σῆμα* (*sēma*) «знак»]. Но оно нередко фигурирует и с другими, более узкими значениями.

² От греческого *μορφή* (*morphē*) «форма» и окончания (обычного в названиях разных наук) -логия — от греческ. основы *λόγος* (*lógos*) «слово». «Морфология», следовательно, значит «формо-словие» (ср. «богословие»), т. е. «наука о формах (слов)».

³ Следовательно к области морфологии относится учение об изменениях слов (в том числе о склонении и спряжении), т. е. то, что в школьных грамматиках называется этимологией. Однако, в научном языкознании слово *этимология* употребляется с совершенно иным смыслом, — для обозначения учения о происхождении или истории отдельных слов (что и соответствует греческому выражению, к которому восходит термин «этимология»: *ἐτυμον λόγος* (*étymon lógos*) «истинное слово»). Каждое отдельное слово имеет свою *этимологию* (известна она, или неизвестна при данном состоянии науки — это другой вопрос). Поэтому можно говорить об *этимологиях* во множественном числе. Если говорят, что кто-либо знает много этимологий, это значит, что он знает о происхождении или истории многих различных слов. Но если говорят, что у данного слова

Например, к области морфологии относится объяснение различия между словами *вода* [vada] и *водой* [vadoj] (или же между японскими, напр. словами *мизу* и *мизуде*¹⁾ в связи с распределением значения между двумя составными частями каждого из этих слов (vad- + -а, vad- + -oj; мизу- + -га, мизу- + -де) и различиями *концов* этих слов (т. е. окончаний -а, -oj в русском; -га,² -де в японском), повторяющихся и в других словах с тем же своим значением (напр. в рядах слов: нога [nag-a] ногой [nag-oj], рука [ruk-a] рукой [ruk-oj]; или—в японском— a'siŋa a'side, teŋa tede и т. п.).³

Синтаксис же ведает значения *соединений* слов (— в фразы или предложения); к области синтаксиса, относится, например, выяснение различия между значениями словосочетаний: «*Иванов — слепой*» и «*слепой Иванов*» (или же узбекских [— в разговорном узбекском языке, в Ташкентском говоре] словосочетаний: «oj kættæ = ئوي كەتتە» [— «дом велик»] и «kættæ oj = كەتتە ئوي» [— «большой дом»]) — в связи с порядком сочетающихся слов.⁴

несколько этимологий, это значит, что есть несколько различных предположений о происхождении этого слова. Примеры этимологий для слов: 1) рус. медведь [m'edv'et'], 2) латинского venenum (или франц. venin [vœnɛ̃]) «яд», 3) рус. дятел [d'at'el], 4) яповск. nado (Киотоск. no'do) «горло», 5) яп. minato (Киотоск. minato') «гавань», 6) корейск. mal 馬 «лошадь», 7) яп. asa «утро», 8) туркменск. на:w ناھ «корабль, лодка», 9) грузинск. р'и'п'на «мята», 10) перс. mō:dæŋ مادر «мать», 11) китайск. mī 蜜 «мед» — приводятся ниже (для иллюстрации понятия этимологического словаря) см. § 13, 14.

¹ Токиоские формы. В Тосаском диалекте им соответствуют: 'miduga' и 'midude' (— с той же морфологической границей, что в Токиоском: 'midu- + -ga', 'midu- + -de').

² Или в Тоса -ga.

³ В Токиоском произношении; в Тосаском диалекте: 'a₁s'iga 'a₁s'ide, te'ga te'de.

⁴ Так как различие значений зависит здесь именно от порядка слов, который равным образом будет дифференцировать и другие фразы, напр. «Петров — глухой» и «глухой Петров» (или же — в узбекском Ташкентском: «suw sɔwɪq = سۇۋ سۇۋىق» [— «вода холодна»] и «sɔwɪq suw = سۇۋىق سۇۋ» [— «холодная вода»]).

Отсюда следует, что элементарной величиной, рассматриваемой в синтаксисе, т. е. — *синтаксической «единицей»* является слово, а элементарной величиной морфологии, т. е. *морфологической «единицей»*, — часть слова, обладающая самостоятельным значением (и повторяющаяся с этим своим значением в ряде слов); для этого понятия, — морфологической единицы, мы будем употреблять термин «морфема».

Экспурс к § 3.

О различии между суффиксом и самостоятельным словом.

В отличие от номенклатуры некоторых грамматик турецких и японского языков, рассматривающих падежные и другие суффиксы (например узбекские -п₁ = نى или نڭ, -гæ, -дæ, -дæп, -га, -ва, -но, -п₁, -де, -кага, -то, -е/-i [в Тоса -e], -мо [в Тоса -mo],² и т. д.) как отдельные слова, — с лингвистической точки зрения мы имеем в них только отдельные морфемы, или части слов (обладающие собственным своим значением); словом же (т. е. синтаксической единицей) явится лишь сочетание данных суффиксов (узб. -п₁, -гæ, -дæ, -дæп; японск. -га, -ва, -но, -п₁, -де, -кага, -то, -е/-i, -мо и т. п.) с предшествующей «основой» слова (— например *единицей* [а не сочетанием из 2-х слов] явятся следующие морфемосочетания: узб. bōlæ-p₁³ «ребёнка» — بالانى или بالانڭ, bōlæ-gæ بالاغا «ребенку», bōlæ-dæ بالادا «у ребенка», bōlæ-dæp «от ребенка»; японск. hana-га hana-wa hana-no hana-p₁ hana-de

¹ В иранизованном узбекском диалекте (напр. в Ташкентском говоре); в письменном языке суффиксы этих 4-х разговорных падежей (Accusativ. — Genitiv., Dativ., Locativ., Ablativ.) соответствуют 5 падежам (ибо Accusativ. и Genitiv. в письменном языке являются 2-мя разными падежами) — с суффиксами: نى, نڭ, -گه, -غا, -ده, -دا, -دن, -دان (в чжагатайском -دين).

² Т. е. современные (Токиоские) суффиксы падежей: Nominativ., Subjectiv. (— падеж логического, или психологического подлежащего), Genitiv., Dativ.-Locativ., Instrumentalis, Ablativ., Sociativ., Illativ. (-i ← -e ← *i-pe へ), Additiv. (падеж со значением «тоже», «а также и»).

³ В Ташкентском говоре; в Самаркандском — bōlæm, bōlæga и т. д.